

## СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.10

### Правильная ссылка на статью:

Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. Город, дружелюбный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 160—177.

### For citation:

Shpakovskaya L. L., Chernova Zh. V. Family-friendly city: new public space for children and their parents. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 2. P. 160—177.

### Л. Л. Шпаковская, Ж. В. Чернова ГОРОД, ДРУЖЕСТВЕННЫЙ СЕМЬЕ: НОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

ГОРОД, ДРУЖЕСТВЕННЫЙ СЕМЬЕ: НОВОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ДЕТЕЙ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

FAMILY-FRIENDLY CITY: NEW PUBLIC SPACE FOR CHILDREN AND THEIR PARENTS

*ШПАКОВСКАЯ Лариса Леонидовна* — кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.  
E-MAIL: [lshtpakovskaya@hse.ru](mailto:lshtpakovskaya@hse.ru)  
ORCID: 0000-0002-4206-4702

*Larisa L. SHPAKOVSKAYA*<sup>1</sup> — *Cand. Sci (Sociol.)*, Associate Professor  
E-MAIL: [lshtpakovskaya@hse.ru](mailto:lshtpakovskaya@hse.ru)  
ORCID: 0000-0002-4206-4702

*ЧЕРНОВА Жанна Владимировна* — доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.  
E-MAIL: [zhchernova@hse.ru](mailto:zhchernova@hse.ru)  
ORCID: 0000-0003-3416-5287

*Zhanna V. CHERNOVA*<sup>1</sup> — *Dr. Sci (Sociol.)*, Professor  
E-MAIL: [zhchernova@hse.ru](mailto:zhchernova@hse.ru)  
ORCID: 0000-0003-3416-5287

**Аннотация.** Статья посвящена анализу восприятия городского пространства родителями, принадлежащими к об-

**Abstract.** The article deals with the analysis of St Petersburg middle-class parents' perception of urban space. The

<sup>1</sup> St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, National Research University Higher School of Economics Campus in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

разованному среднему классу, проживающими в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург представлен как область конфликта различных акторов в борьбе за определение своего места в городе и создание оптимальных режимов его использования; одним из спорных вопросов является определение границ детских и взрослых пространств. На материалах эмпирического исследования (анализ интервью с родителями и официальных документов) показан репертуар действий и смыслов акторов, задающих конфигурацию городских мест детства (государства, рынка и родителей); проанализировано мнение родителей, как активных горожан, о различных инициативах городских властей и бизнеса; в качестве примера повседневных конфликтов борьбы в городе описаны противостояния вокруг детских площадок. Сделаны выводы о специфике требований родителей из среднего класса к городскому публичному пространству детства и содержанию пространств детства нового типа.

**Ключевые слова:** город, публичное пространство, детство, родительство, средний класс

**Благодарность.** В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 14-05-0051 «Семья как объект/субъект консервативной мобилизации» при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г.; «Город, дружественный семье», фонд Белля, 2012. Также использовались интервью, собранные в рамках проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики» в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», 2012 году, грант № 12-05-0017.

city is presented as a space of conflict of different actors fighting to define their place in the city, its optimal use and the boundaries between child and adult spaces. The paper is based on the empirical research results (analysis of interviews with parents and official documents) and describes the range and content of the activities of actors which set the configuration of the urban space for children (state, market and parents). The opinion of parents as active citizens about different initiatives of city administration and business community is analyzed. Conflicts about children's playgrounds are cited as examples of daily urban confrontations. The author concludes that middle-class parents' requirements toward urban spaces for children and new-type playground arrangement are rather specific.

**Keywords:** city, public space, childhood, parenthood, middle class

**Acknowledgment.** The article is based on the results of the project no. 14-05-0051 titled «Family as object/subject of conservative mobilization» supported by the HSE Academic Fund Programme in 2014; «Family-friendly city», The Heinrich Böll Foundation, 2012. The interviews from the project «Parenthood in contemporary Russia: policy, values and practices» carried out within the framework of the HSE Academic Fund Programme, 2012 (grant no. 12-05-0017) were also used in the study.

Статья посвящена изучению восприятия родителями детей дошкольного возраста пространства города, их требований в отношении городской среды, а также практик её использования. Объектом изучения выступили матери детей-дошкольников, представительницы городского среднего класса, проживающие в Санкт-Петербурге. Специфика исследовательского объекта обусловлена физическими и когнитивными возможностями детей-дошкольников и социокультурными представлениями о потребностях и возможностях таких детей. Дошкольники считаются зависимыми, уязвимыми, несамостоятельными, требующими постоянной заботы и контроля со стороны взрослых [Градскова, 2010]. Эти возрастные особенности детей задают практики родительства и специфику потребностей родителей в городе. В статье реконструирована система категорий, используемых современными родителями для описания требований к городской инфраструктуре, определенных их статусно-экономическими возможностями, а также спецификой родительской роли. Кроме того, проанализированы действия ключевых акторов, участвующих в формировании городских пространств детства (бизнеса и государства); специфика пространств, создаваемых ими; а также практики адаптации представительниц среднего класса с маленькими детьми к городским пространствам.

### **Городские публичные пространства детства как предмет конфликта**

Мы изучаем городские публичные пространства, доступные для детей. Особенность городского публичного пространства связана с тем, что в нем сталкиваются, взаимодействуют и находятся в присутствии друг друга незнакомые между собой люди. Базовыми характеристиками публичного пространства является отсутствие очевидных барьеров доступа [Whyte, 2001; Джекобс, 2011; Ольденбург, 2014, Урри, 2013].

Американский урбанист П. Маркузе относит к публичным пространствам трех типов [Marcuse, 2013]: 1. открытые пространства, доступные для всех, где люди могут общаться, отдыхать, гулять, заниматься спортом и пр. (например, городские парки); 2. пространства, используемые для передвижения: тротуары, дороги; 3. так называемые «третьи места» [Ольденбург, 2014: 57—58], которые, с одной стороны, имеют владельцев и поэтому не являются в чистом виде общественными, а с другой — открыты для всех, могут использоваться для социального общения, как и другие публичные пространства. «Третьими местами» становятся кафе, торговые центры, магазины [Шпаковская, 2015: 113].

Городские публичные пространства могут быть предметом споров между социальными акторами: горожанами (с разным социально-экономическим и семейным статусом), бизнесом и государством. Предметом конфликтов может выступать вопрос о том, кто имеет право находиться в том или ином пространстве, на каких условиях, кто может контролировать и принимать организационные решения в отношении данного пространства [Mitchell, 2003: 30]. Игроки, присутствующие в физическом и социальном пространстве города, действуют по-разному. Так, городские власти и бизнес-структуры, в соответствии со своими интересами и видением потребностей горожан (в данном случае — детей и их родителей), принимают градостроительные решения, осуществляют благоустройство территорий. Для жителей город становится предметом повседневной практической адаптации,

переопределения смыслов, пространством тактической борьбы [де Серто, 2013: 191], а иногда и выдвижения открытых требований и коллективных действия по их реализации [Гладарев, 2013].

Публичные пространства детства часто бывают оборудованы для удобства их использования детьми-дошкольниками и родителями (например, детские игровые уголки в торговых центрах, улицы и общественный транспорт со съездами и пандусами для колясок). Городские пространства детства «вложены» в пространства взрослых и не существуют сами по себе. Кроме этого, они отличны от институционализированных специализированных пространств детства — детских садов, больниц, развивающих центров [Филипова, 2012: 81]. Далеко не все открытые для взрослых пространства являются доступными для детей. Например, может ли взрослый с маленьким ребенком зайти в публичную библиотеку или пивной бар? Как быть взрослому с маленьким ребенком, если дорога в парк пролегает через шумную и задымленную автомобильную магистраль?

Американская урбанистка Джейн Джекобс, анализируя специфику успешно функционирующих городских пространств, приходит к выводу, что таковыми становятся пространства, учитывающие потребности всех горожан, находясь в них, люди сообща наблюдают за поддержанием социального порядка. С этой точки зрения, четкое разграничение детских и взрослых пространств неминуемо становится источником конфликта и отчуждения. Она критикует «мифологию детских площадок» [Джекобс, 2011: 88] — площадок как особых пространств в городе, специально предназначенных для детей. Таким образом, вопросы доступности, проницаемости, мобильности, безопасности для детей и родителей выступают основными проблематизируемыми тематическими осями для городских социологов и урбанистов.

### **Матери и активные горожанки из среднего класса как объект исследования**

Статья написана на материалах нескольких исследовательских проектов, посвященных проблемам семьи и родительства. Исследования проведены в Санкт-Петербурге в 2011—2014 годах. В данном тексте использованы следующие источники:

1) Лейтмотивные интервью с матерями, совмещающими работу с профессиональной занятостью, имевшими опыт проживания за границей (5 интервью). Они имели опыт учебы или работы в странах Западной Европы или США. Период проживания за границей составил от трех месяцев до четырех лет. Некоторые из них проживали в мегаполисах, таких как Нью-Йорк, Берлин, Амстердам, другие работали в относительно небольших городах, таких как Хельсинки, Женева. Предполагалось, что их опыт позволит получить рефлексивные суждения относительно пространственных практик родителей в Санкт-Петербурге. Эти респондентки обладают большим профессиональным опытом, ориентированы на карьеру и совмещают материнство с профессиональной занятостью. Они заняты в областях IT, менеджмента, искусства и науки, строят свою карьеру не только на российском, но и международном рынке труда. Лейтмотивные интервью [Семенова, 1998: 110] были выстроены как биографические с акцентом на одном аспекте их биографии — родительстве (подготовка к беременности, беременность, роды,

организация ухода за ребенком, разделение родительского труда в семье, совмещение материнства и карьеры) [Чернова, Шпаковская, 2013]. Были заданы также вопросы, посвященные восприятию городского пространства. За исключением вопросов о восприятии города, гид по интервью имел аналогичную структуру, что и для других респондентов.

2) Лейтмотивные интервью с отцами и матерями, проживающими в Санкт-Петербурге, представителями городского среднего класса (20 интервью с матерями и 10 интервью с отцами. Эти информанты представляли разные семьи). При отборе респондентов опыт проживания за границей не использовался в качестве критерия. Выборка строилась по принципу максимального различия случаев родительства с точки зрения состава семьи, количества детей, уровня материального благосостояния, района проживания в городе. Интервью были посвящены обсуждению практик родительства. Несмотря на то что этим информантам не задавались вопросы о восприятии городского пространства, они часто сами поднимали темы, связанные с удобством, комфортностью, экологичностью городской среды, таким образом проблематизируя свой родительский опыт. Интервью собраны до начала интервьюирования матерей с опытом проживания за границей, в рамках других проектов авторов, посвященных практикам родительства, представителей городского образованного среднего класса<sup>1</sup>. Поскольку эти интервью были собраны с использованием методики аналогичной той, что и интервью с респондентами первой группы, кроме того, респонденты из обеих групп — представители одной социальной группы, два массива данных были объединены. Это позволило контекстуализировать и верифицировать данные, полученные из интервью с матерями, имевшими опыт проживания за границей. Принимая во внимание, что количество интервью с последними лимитировано (что было определено с спецификой требований к отбору информанток), обращение к более широкому массиву данных потенциально позволяет преодолеть сингулярность их ответов.

3) Фокусированные интервью с депутатами муниципальных образований Санкт-Петербурга (5 интервью). Они представляют разные муниципальные округа, расположенные в центре и на периферии города. Депутатам были заданы вопросы, сфокусированные на политике муниципалитетов, мероприятиях, проводимых на территории округов. Фокусированные интервью [Семенова, 1998: 110] дали возможность проанализировать и описать процессы реализации городской политики благоустройства, контекстуализировать данные, полученные из интервью с родителями. Мы получили информацию не только о субъективном восприятии родителями городского пространства, но дополнили ее анализом интересов и действий других акторов политики благоустройства города (в данном случае — представителей государства), что необходимо для анализа конфликтов в городском пространстве.

4) Результаты наблюдений, проведенных в 360 городских объектах, которые могут быть отнесены к городским публичным пространствам детства: детские площадки, парки, общественный транспорт, улицы, поликлиники, магазины, торговые центры, кафе, библиотеки и пр. Результаты отражены в карточках наблюдения,

<sup>1</sup> В частности, использовались интервью, собранные в рамках проекта «Родительство в современной России: политика, ценности и практики» в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», 2012 году, грант No 12-05-0017.

в которых размещались фотографии объектов, а также фиксировалось наличие/отсутствие оборудования, облегчающего доступ детей в данное пространство (съезды, пандусы, лифты, наличие игровых зон, детских стульчиков, детского меню, детских программ и т. п.), наличие детей и способы использования пространства родителями и детьми. Данные наблюдений позволили получить информацию о типах городских пространств детства, их устройстве, о соответствующих им практиках родителей.

Кроме того, эмпирическую базу исследования составили законодательные документы, имеющие отношение к городской политике детства (программы, концепции, указы, постановления, выпущенные правительством Санкт-Петербурга в 1990—2000 годах), отчетные документы о реализации городских программ в области детства и другие релевантные теме исследования материалы.

Материалы исследования (интервью трех типов и документы) при подготовке статьи анализировались методом категориального анализа [Silverman, 2006].

Все родители, ставшие респондентами, являются представителями городского среднего класса: имеют высшее образование, ориентированы на профессиональную самореализацию и выстраивание успешной карьеры, отдавая предпочтение мобильности и личной свободе взамен долгосрочным трудовым обязательствам и гарантированной стабильности [Левинсон, 2008: 59; Чернова, 2012а: 119]. Наши респонденты — профессионалы, работающие в таких сферах, как информационные технологии, финансы, услуги, маркетинг, реклама, дизайн и логистика. По уровню доходов и стилю потребления они поддерживают стандарты жизни среднего класса: регулярно покупают продукты в крупных супермаркетах, посещают торговые комплексы, кафе и рестораны, путешествуют во время отпуска, тратят деньги на занятия спортом и культурный досуг. Для них высока ценность приватной жизни, важна личная автономия, проявляющаяся в профессиональных и личных траекториях, а также в организации частного пространства [Чернова, Шпаковская, 2010: 21—22].

### **Родители как акторы публичного пространства: городские идеалы и практики**

Обсуждая опыт родительства, все респонденты сопровождали свои рассказы размышлениями о том, как «должен быть» устроен город. Идеал городского пространства и для тех, кто имел опыт проживания за границей, и для тех, кто не имел такового, выражается собирательным словом «Запад». В одних интервью «Запад» — это абстрактное понятие, не имеющее четкого географического наполнения. В других — связано с рассказом об опыте проживания в конкретной стране. Но в обоих случаях «Запад» предстает как идеальное место, «как должно быть».

Рассказы о жизни за границей в интервью с матерями, имевшими опыт проживания в других странах, представлены отдельными деталями повседневности без обсуждения организации всей социальной инфраструктуры в конкретной стране. Они говорили о том, что их «поразило» и «удивило», сравнивали «здесь», «у нас», и «там», «у них»; отмечали присутствие детей в городском пространстве: на улицах, в общественном транспорте, музеях, библиотеках; говорили о том, что городская инфраструктура учитывает разнообразие потребностей детей и родителей:

*«Это очень такое дружелюбное пространство для детей. И с точки зрения организации площадок, и с точки зрения отношения к детям. Дети там — полноценные участники*

сообщества, и это видно. И в транспорте это видно, и по наличию музеев это видно, по наличию детских программ в музеях. Везде есть возможность бывать... то есть куда бы ты ни поехал, всегда есть возможность проехать, всегда там будут везде какие-нибудь пеленальные столики и какие-нибудь специальные девайсы, предполагающие, чтобы чаду было удобно (...) в той же Голландии все прекрасно понимают, что если есть желание работать, то можно работать и с ребенком. Поэтому все там и таскают... и в Америке тоже самое. Младенцев с первых дней начинают брать с собой, куда бы ни поехали. Я сколько раз видела, сидя в библиотеке, в Калифорнийском университете дети играют на полу, родители там сидят, готовятся» [Вера, 37 лет, научный сотрудник, двое детей].

Городское пространство «там» представлено, как проницаемое, легко доступное для взрослых с детьми, что создаёт возможности совмещения работы и материнства, а также отдыха/досуга и материнства. Следующая цитата из интервью типична для рассказов матерей, имевших опыт проживания за границей:

«Одна маленькая деталь — ты можешь взять коляску, посадить в нее ребенка и доехать куда угодно, хоть на другой конец города. Автобусы умеют наклоняться к тротуару так, что ты можешь туда легко заехать, не говоря уже о том, что в автобусе есть специальное место, куда эту коляску можно поставить. И везде есть съезды, лифты. Это значит, ты легко с ребенком можешь попасть хоть в торговый центр, хоть в музей. Эта деталь — то, что ты можешь везде проехать с коляской, казалось бы, ерунда. Но это в корне меняет твою жизнь, твое ощущение от жизни, когда у тебя есть маленький ребенок» [Варвара, 40 лет, преподаватель вуза, двое детей].

В противоположность идеальной картине «Запада», городское пространство Петербурга характеризуется как непроницаемое, труднодоступное и даже опасное. Практически все городские объекты: тротуары, жилые дома, торговые центры, различного рода учреждения, общественный транспорт, по мнению матерей и отцов, выступают барьером для передвижения с детской коляской или ребенком на руках. Одна из участниц исследования определяет прогулку с коляской как «пересечение препятствий с бордюрами» [Инна, 39 лет, домохозяйка, двое детей]. Вопросы мобильности и проницаемости пространства менее актуальны для отцов, поскольку они в меньшей степени включены в повседневную заботу о детях. Тем не менее, обеспечение перемещения по городу матери и ребенка может выступать специфической сферой отцовской компетенции. Например, Станислав говорит о своей роли в данном качестве, одновременно размышляя над спецификой городских барьеров доступа для родителей с детьми:

«Выяснилось, что жена с Ваней [сыном] не могут никуда вдвоем доехать. А ей нужно было к теще иногда, потом они в бассейн записались, и до него надо было ехать тоже. Короче, в маршрутку чтобы зайти, если один взрослый с ребенком едет, ему нужно одной рукой открыть дверь, потом зайти, там подножка, потом дверь закрыть, потом взять деньги и передать их водителю. А в другой руке у тебя ребенок, и еще есть, как правило, сумка с памперсами, сменной одеждой, там, сосками. А про коляску я вообще молчу, ее ж сложить, разложить надо, иначе она не поместится. Поэтому приходилось вдвоем: один несет ребенка, другой открывает дверь и затаскивает коляску» [Станислав, менеджер, 32 года, один ребенок].

Проблемой становятся крутые лестницы, бордюры, отсутствие съездов, пандусов и лифтов. Советские градостроительные нормы предписывали оборудование

лифтов в домах с этажностью выше пятого этажа. Отсутствуют лифты и в многоквартирных домах дореволюционной застройки. В интервью неоднократно проблематизируются характеристики жилого фонда Петербурга:

*«Намучилась я пока мы жили в «хрущевке». Чтобы выйти на прогулку, я брала базу коляски и спускала ее по лестнице вниз: бум, бум, с четвертого этажа. Базу пристегивала на первом этаже тросиком. Потом поднималась в квартиру, брала люльку с ребенком, опять вниз по лестнице. Прикрепляла люльку к базе, отстегивала трос и шла гулять. С прогулки — все в обратном порядке» [Оксана 27 лет, фотограф, один ребенок].*

Новая жилищная архитектура также оказывается не чувствительной к потребностям семей с детьми, по мнению участников исследования:

*«Эти архитекторы, они что, не знают, что у людей дети бывают, что ли? Мы живем в элитном доме [смеется]. Тут такая лестница крутая сделана, чтобы просто в подъезд зайти. Я коляску эту туда-сюда тягаю каждый день. Есть съезды, такие полозья для колес, ага. Для скалолазов это сделано что ли [смеется]. Я думаю, что еще неплохо бы было иметь внизу место, где вот эту коляску можно было оставить на первом этаже, велосипед детский, игрушки там всякие, чтобы это не нести каждый раз наверх» [Валентина, стилист, 31 год, двое детей].*

Городское пространство воспринимается как опасное из-за большого скопления людей. Матери опасаются общественного транспорта, людных улиц из-за инфекций и эпидемий, которые, по их мнению, неизбежны в местах большой концентрации людей. Городской воздух также сам по себе представляет опасность, т.к. наполнен выхлопными газами автомобилей и атмосферными промышленными выбросами.

Перед лицом недружественной городской инфраструктуры матери ощущают себя «загнанными» в приватное пространство. Они говорят о чувстве изоляции и одиночества. Для ориентированных на карьеру и культурное потребление горожанок материнство связано с резким изменением повседневности. Респондентки, имеющие опыт гендерного равенства в публичной сфере, неожиданно обнаруживают себя запертыми внутри традиционных гендерных ролей [Чернова, 2012а: 123]. Ольга, мать двоих детей (1,5 года и 5 лет), в момент интервью находящаяся в отпуске по уходу за ребенком, комментирует жизненную ситуацию следующим образом:

*«Когда у тебя появляются дети, ты оказываешься к ним постоянно привязан. Я больше не могу вечером пойти по магазинам или в кино, не могу после работы встретиться с подругами. Для меня это было очень неожиданно (...) Мой муж обычно приходит с работы поздно, два раза в неделю он ходит на тренировки в зал. На выходные он часто ездит кататься на горных лыжах, а летом — на велосипеде. Ему это необходимо, я стараюсь учитывать его интересы» [Ольга, 28 лет, программист, двое детей].*

Молодые матери стремятся сохранить тот образ жизни, который они вели до рождения ребенка. Они подчеркивают субъективную значимость посещения публичных пространств для поддержания своей социальной идентичности и социально-психологического благополучия:

*«Я не хочу превратиться в клушу, такую мамашку с кошелкой в одной руке и коляской — в другой, которая постоянно трясется над своим чадом. Я хочу хорошо выглядеть, быть в курсе последних культурных событий, путешествовать, встречаться с друзья-*

*ми. Я стараюсь вести активный образ жизни. У меня есть несколько подруг с детьми примерно такими же, как мой сын. Мы часто с ними встречаемся, идем гулять, сидим в кафе, дети с нами: маленькие спят в коляске или на груди висят в слинге, а постарше играют» [Маргарита, 26 лет, юрист, один ребенок].*

Для некоторых участниц исследования перемещение по городу становится необходимостью, связанной с организацией заботы, например, посещением детских врачей, детских дошкольных образовательных учреждений, бассейнов, кружков. При этом они имеют высокие образовательные притязания для своих детей, ориентированы на потребление платных медицинских услуг [Гладарев, Цинман, 2009]. Матери готовы преодолевать значительные расстояния для того, чтобы реализовать свой выбор. Для многих из них рефлексия о потребностях ребенка, знание рынка рекреационных, медицинских и образовательных услуг, умение ориентироваться в нем, искать необходимую информацию и находить услуги, наиболее отвечающие собственным запросам и потребностям детей, составляют важную часть социальной компетентности. Результаты нашего исследования с использованием качественной методологии, показывающие запрос матерей-горожанок на пространственную мобильность, схожи с результатами количественного исследования восприятия московских матерей городской среды [Работа и семья, 2008: 126—131].

Оценивая городское пространство, участники исследования разделяют идеал мобильности. Они хотят иметь возможность свободно передвигаться по городу, пребывать вместе с ребенком в городских публичных пространствах. Обнаруживая большое число пространственных барьеров мобильности, они вырабатывают различные тактики адаптации пространства и преодоления барьеров. Такими тактиками повышения мобильности выступают «житейские хитрости», например, матери пользуются слингами. Они также рассказывают о ноу-хау обращения с детскими колясками, особых техниках, позволяющих преодолевать лестницы, бордюры, неровности тротуаров. Средством преодоления городских барьеров пространственной мобильности считается автомобиль. Часть респондентов приобрела автомобиль непосредственно перед или сразу после рождения ребенка для того, чтобы иметь возможность свободно передвигаться по городу.

Таким образом, родители из образованного среднего класса — активные требовательные горожане, выдвигающие требования к качеству городской инфраструктуры. Для наших респондентов важна доступность и проницаемость городского пространства. Они замечают барьеры, которые задает специфика жилого фонда, улиц, городского транспорта. Они формируют запрос в отношении публичных мест, пригодных для совместного пребывания детей и родителей.

### **Государство как актор преобразования городской среды**

Государство — ключевой актор, определяющий городское пространство через проводимую градостроительную политику и политику благоустройства городской среды. Оно финансирует строительство тех или иных объектов, задает правила пользования и регламентирует доступ к ним различным категориям граждан. Городская среда неоднородна с точки зрения дружелюбности детям. Пространства детства могут иметь различную конфигурацию и вписанность в об-

шую городскую среду, отличаться мерой учета интересов и потребностей маленьких детей, их родителей.

Советская социальная политика была ориентирована на поддержку работающих матерей, поддерживая и развивая сектор государственных учреждений заботы и воспитания дошкольников, в которых дети находились под наблюдением профессионалов отдельно от родителей, занятых в сфере общественного производства [Айвазова, 2001; Роткирх, Темкина, 2002]. Городские места для совместного пребывания детей и родителей были лимитированы. Политическая концепция семьи существенно изменилась в постсоветское время. В этот период неоднократно официально высказывались призывы о «возвращении женщин в семью» [Rivkin-Fish, 2010: 709] и необходимости реставрации «традиционной» семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-матерью и домохозяйкой. Забота о детях в политическом дискурсе рассматривается как сфера ответственности семьи и, прежде всего, матери. Постсоветская семейная политика приобрела пронаталистский характер и стала направлена не на поддержку матери-труженицы, а на стимуляцию женщин к выполнению материнских обязанностей [Чернова, 2012b].

Изменение официального видения семьи включало также политический пересмотр содержания и границ городских пространств детства, придав им смысл островков семейного досуга, обустроенных и контролируемых государством. Эти сегрегированные территории символически поддерживают идею семейного досуга, семейного образа жизни и вписаны в дискурсивный модус пронатализма. В частности, в 2007 г. правительство Санкт-Петербурга вслед за другими российскими городами приняло постановление о присоединении к программе действий UNICEF «Город, доброжелательный к детям» (ГДД), направленной на реализацию Конвенции ООН о правах ребенка<sup>2</sup>. Целью программы ГДД являлось улучшение жизни детей в городе, принятие во внимание интересов детей городской политикой<sup>3</sup>.

Правительство Санкт-Петербурга фактически заменило цели ГДД патерналистскими идеями об «укреплении семьи и семейных ценностей» и приурочило начало реализации программы к Году семьи, прошедшему в России в 2008 г. В частности, в отчете о реализации программы упоминалось проведение тематического концерта, строительство спортивных площадок, мероприятия по профилактике табакокурения и наркомании среди детей, повышение пособий и льгот для матерей, а также малообеспеченных, неполных и многодетных семей. Отмечалось, что в Санкт-Петербурге в 2009 г. «на базе социальных учреждений постоянно проводятся лекции, тематические конференции, круглые столы по повышению престижа благополучия семьи. Проводятся мероприятия, направленные на воспитание в детях чувства любви к ближнему, к старшему поколению, доброму отношению к окружающим, умению дружить и жить в мире с другими детьми, не зависимо

<sup>2</sup> Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 29.06.2007 № 727 О реализации в Санкт-Петербурге программы действий Детского Фонда Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) «Создание городов, доброжелательных к детям». URL: [http://www.lawrussia.ru/texts/legal\\_790/doc790a409x562.htm](http://www.lawrussia.ru/texts/legal_790/doc790a409x562.htm) (дата обращения: 07.04.2017).

<sup>3</sup> Создание городов, доброжелательных к детям. Программа действий, UNICEF, 2010. URL: <http://www.infoarchives.ru/data/unicef/ru/booklet.pdf> (дата обращения: 07.04.2017).

от их национальности»<sup>4</sup>. Проблематика участия детей в выработке городской политики игнорировалась. Таким образом, городское пространство детства хотя и виделось организуемым и контролируемым государством, но, вместе с тем, не исключительно детским, а семейным.

Некоторые принципы ГДД были включены в Концепцию семейной политики Санкт-Петербурга на 2012—2020 гг. Эта концепция в качестве одной из своих целей выдвигает «формирование безопасной городской среды, благоприятной для роста и развития детей», а среди ожидаемых результатов реализации упоминаются следующие показатели: «повышение комфортности городской среды для детей с детьми, благоустроенности дворовых территорий, увеличение числа оборудованных беговых и велосипедных дорожек, доступных дворовых и спортивных площадок (футбольных и волейбольных); создание оптимальной, эффективно функционирующей инфраструктуры культурно-досуговых, спортивных учреждений и объектов, предоставляющих услуги семьям с детьми, максимально приближенных к месту жительства»<sup>5</sup>.

Несмотря на декларацию Концепцией целей гендерного равенства и политики баланса, которые невозможны без развития городской инфраструктуры, обеспечивающей доступ к профессиональной занятости и досугу для родителей, фактически городское пространство понимается патерналистки как сегрегированные пространства заботы и контроля со стороны государства семьи, призванной выполнять репродуктивные функции. Проблематика трансформации городской инфраструктуры, с точки зрения повышения ее доступности и проницаемости для родителей с детьми, которая поднимается респондентами, представителями городского образованного среднего класса, фактически в них отсутствует.

Одними из основных акторов реализации городских законодательных инициатив выступают органы местного самоуправления. Пространственная зона ответственности муниципалитетов ограничена благоустройством дворовых территорий, содержание улиц и парков является сферой ответственности городской и/или районной администрации. Муниципалитеты собирают заявки жителей, устанавливают и модернизируют детские площадки, спортивные площадки, устраивают места сбора мусора, благоустраивают дворы, проводят озеленительные работы. Муниципальные чиновники, принявшие участие в исследовании, ничего не знали о существовании программы ГДД и не знали о содержании Концепции семейной политики Санкт-Петербурга. Тем не менее, они утверждали, что строительство детских площадок выступает для них приоритетным направлением деятельности, поскольку способствует пропаганде «семейного образа жизни и семейных ценностей». «Семейные ценности» назывались в качестве личного приоритета. Респондентами предполагалось также, что именно инициативы, ориентированные на семью и детей, находят наибольшую поддержку у жителей муниципальных округов.

<sup>4</sup> Реализация в Санкт-Петербурге программы действий Детского фонда Организации Объединенных наций (ЮНИСЕФ) «Создание городов, доброжелательных к детям». Доклад, 2009. URL: <http://www.myshared.ru/slide/176317/> (дата обращения: 04.03.2017).

<sup>5</sup> Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012—2020 годы // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга, 2012. URL: <http://gov.spb.ru/helper/social/semeynaya-politika-v-sankt-peterburge/koncepciya-emejnoy-politiki-v-sankt-peterburge-na-2012-2022-gody/> (дата обращения: 24.12.2014).

Таким образом, на законодательном уровне городская политика не учитывает запрос городского образованного среднего класса, связанный с возможностью выбора, мобильностью. Муниципалитеты, которые оказываются ближе других органов государственной власти к потребностям горожан, по-своему трактуют запрос семей на пространство, дружественное детям: строят детские и спортивные площадки, предполагая, что именно они отвечают потребностям родителей с детьми в проведении семейного досуга.

### **Коммерциализация пространства детства: бизнес как городской актер**

В постсоветское время происходит быстрое развитие рынка услуг, связанных с организацией проведения свободного времени и потреблением, появляются кафе, рестораны, шоппинг-центры, парки аттракционов и т.п. В жизни горожан увеличивается значение досуга. Отдых становится коммерциализированным, связанным с потреблением. Совместная жизнь семьи также начинает организовываться вокруг досуга и потребления. Практики заботы о детях плюрализируются как по форме, так и по содержанию, выносятся за пределы приватной сферы семьи. Строительный бум, начавшийся в 2000-х, коснулся не только сегмента жилья, но и коммерческой недвижимости в сфере торговли, досуга и развлечений. Развивается индустрия детства [Ассонова 2010], предлагающая огромное количество услуг и товаров для детей и родителей. Новые пространства детства являются элементами процесса коммерциализации досуга, детства и родительства. Они предлагают различные варианты совместного пребывания детей и взрослых. Возможные форматы могут предполагать освоение взрослыми «мест детства» или включение детей в формы досуга взрослых.

Для коммерческих заведений вовлечение детей и родителей в сферу потребления нацелено на увеличении прибыли за счет диверсификации и роста числа потенциальных клиентов. Технологии превращения детей и их родителей в потребителей привносят транснациональные компании, например «Макдоналдс», «Икея», рестораны и магазины, ориентированные на потребителей среднего класса и использующие западные образцы обслуживания клиентов. Результаты наблюдений, проведенных в городских публичных пространствах, показывают, что торговые центры, магазины, банки, кафе, рестораны, кинотеатры, выставочные центры и другие пространства, созданные бизнесом и открытые для свободного посещения горожанами, часто имеют специализированное оборудование (например, лифты и пандусы для колясок, детские стульчики, пеленальные столики, игровые зоны), облегчающее доступ к ним посетителей с детьми и дающее возможность длительного пребывания детей совместно с родителями. Из 360 городских объектов, в которых проводилось наблюдение, 182 были отнесены нами к пространствам, созданным бизнесом. В 114 из них имелось детское оборудование.

Респонденты в интервью говорили о том, что эти пространства используются ими не просто «по назначению», например, для еды или шоппинга, а выступают местом встреч членов семьи, родителей и детей. Торговые центры и кафе, оборудованные игровыми площадками и комнатами, детскими стульчиками для кормления и предлагающие «детское меню», становятся местами совместного

проведения времени для родителей. Смыслом посещения торговых центров становятся не столько покупки, сколько совместный досуг:

*«В воскресенье были в «Лете». Мне нужно было купить себе кое-что из одежды. Взяли с собой Машу [старшая дочь] (...) Но в результате ползали там по детским аттракционам, устали, пошли в кафе, поели и поехали домой. Ничего не купили, но были очень довольны, провели время» [Варвара, 40 лет, преподаватель вуза, двое детей].*

Создаваемые бизнесом пространства, ориентированные на семьи с маленькими детьми, задают тренд преобразований городской среды в более широком смысле. Наблюдения показывают, что к потребностям детей и родителей становятся более сензитивными государственные публичные организации: библиотеки, поликлиники, музеи. Респонденты позитивно оценивают пространства, создаваемые бизнесом, ведь они отвечают вкусам, эстетическим и культурным запросам представителей среднего класса. Их посещение поддерживает культурную идентичность родителей, формулирующих запрос на разнообразную и инклюзивную городскую инфраструктуру, дружественную детям.

### **Детские площадки как пространство конфликта**

Детская площадка — традиционное место, которое отводится детям в городе. В их отношении представления родителей, государства и бизнеса о публичных детских пространствах совпадают в том, что они являются востребованными детьми и родителями. Однако при этом детские площадки нередко являются местом конфликтов. Поэтому мы взяли их как пример взаимодействия и конфликта городских акторов по поводу пространств детства.

Детские площадки — специально выделенные для детей публичные пространства, куда дети-дошкольники приходят в сопровождении взрослых. Площадки, а также парки как места для прогулок с детьми, играют роль центров социальной жизни и общения родителей в городских микрорайонах Санкт-Петербурга. Вокруг них и мест для прогулок с детьми формируются локальные сообщества родителей, объединенных общим пространственным опытом и опытом родительства. Отцы и (чаще всего) матери, посещающие площадки и места прогулок, завязывают знакомства. Родители ежедневно встречаются, узнают друг друга «в лицо», обмениваются репликами. В некоторых случаях такие знакомства становятся основой для более тесного и регулярного общения.

*«Чем Юсуповский [сад] славен, тем, что там довольно организованное сообщество [родителей]. То есть люди с разных домов, которые начинают гулять со своими детьми в одни и те же часы, есть люди, которые очень регламентированные, то есть они точно знают, когда они гуляют, а когда они спят. В конечном счете, они нагуливают дружбу, знакомства. И потом они эти отношения уже надолго сохраняют. Они вместе наяривают круги с колясками, а потом с детьми. И я вижу, что уже такие плотные связи образуются. Среди людей Адмиралтейского района всегда есть пара-тройка людей, которые поддерживают такие отношения. Они обсуждают что-то, обсуждают детей. Одна [мама мне] говорит: «Ну вот, одно и тоже и обсуждаем. Как проснулся, как поел, как в туалет сходил». Так, по кругу» [Инна, 39 лет, домохозяйка, двое детей].*

Локальные сообщества родителей могут мобилизоваться для решения общих проблем, которые нередко связаны с состоянием детских территорий в микрорай-

оне. Среди родителей находятся активисты, обращающиеся в органы муниципальной и городской власти с требованиями установить новую или отремонтировать уже имеющуюся площадку. Остальные участники локальных сообществ принимают участие в обсуждениях процесса взаимодействия с органами власти, оказывают моральную поддержку активистам, ставят подписи под заявлениями и обращениями. Как было показано выше, муниципальные власти рассматривают строительство детских площадок в качестве одного из приоритетных направлений деятельности.

Площадки становятся местами конфликтов между различными локальными и соседскими сообществами. Особенно острой конкуренция становится в центре города, где площадки часто являются единственными пространствами отдыха горожан, поскольку вокруг них есть зеленые насаждения и скамейки. Присутствие «других» вызывает недовольство со стороны родителей, которые обвиняют их в производстве мусора, окурков, пустых бутылок и собачьих экскрементов. Одновременно детские площадки в качестве мест прогулок детей и мест проведения досуга взрослых горожан вызывают острый протест и недовольство жителей, находящихся в непосредственной близости домов, из-за шума, производимого пользователями площадок. Следующая цитата из интервью представляет собой рассказ респондентки о борьбе вокруг установки детской площадки, инициатором создания которой она выступала:

*«Приезжает машина, я выхожу, показываю им, где устанавливать вот эти три аппарата: песочница, качельки и мотоцикл. У нас такой спокойный двор (...) Но оказалось, что это [установка оборудования детской площадки] активизировало всю ситуацию. Это было удивительно. Вот где по-настоящему я испытала прозрение. Стоит машина с новым оборудованием, его выгружают (...) Вот идет просто человек, видно, домой, и видит, что детское оборудование, он останавливается, его лицо искажается, и он говорит: «Что это? Это кто разрешил?» И таких людей накапливается человек 15. Они начинают кричать, они начинают махать руками. Начинается чуть ли не драка с рабочими. Председатель ТСЖ: «На каком основании вы устанавливаете здесь детскую площадку? Нам не нужны дети! Нам не нужны алкоголики, которые здесь будут сидеть. Нам не нужны подростки, которые здесь будут сидеть. Вы не имеете права!» [Инна, 39 лет, домохозяйка, двое детей].*

Пример детских площадок показывает, что политические инициативы городского правительства, а также действия муниципалитетов встречают неоднозначную реакцию жителей. При этом родители-горожане могут выступать активными преобразователями пространства, формулируя требования к городским властям и отстаивая свои интересы. Вместе с тем, «мифология детских площадок», о которой писала Джекобс [Джекобс, 2011: 88], в российском контексте может быть представлена как разделяемое городскими властями и горожанами убеждение в том, что эти детские пространства могут служить основным способом реализации интересов детей и родителей в городе, не выдерживает столкновения с действительностью. Площадки становятся местами конфликтов, поскольку на их использование претендуют маргинализированные в городе группы, например, подростки или «алкоголики», а интересы родителей детей-дошкольников часто противоречат интересам тех, кто не имеет детей данного возраста. Кроме того, горожане воспринимают их как источник потенциальной опасности, поскольку на них обнаружива-

ются «грязь, пустые бутылки, собачьи экскременты», они считаются источниками шума или местами сбора «социально-опасных граждан».

## **Заключение**

Родители из молодого образованного среднего класса составляют число активных горожан, которым безразлично пространство, где они живут. Они обладают достаточно четкими представлениями о желаемой городской инфраструктуре. Для них родительский статус является значимым основанием идентичности, поэтому потребности, связанные с родительской ролью, становятся ключевыми при восприятии городского пространства. Вместе с тем, они хотят иметь возможность поддерживать сложившийся стиль жизни, совмещать родительство с работой, досугом и потреблением. Мобильность для них выступает значимой ценностью, многие молодые матери критически оценивают городское пространство Санкт-Петербурга как недружественное родителям с маленькими детьми. Важным требованием для родителей является возможность совместного пребывания с ребенком во время отдыха, перемещений по городу или даже работы. Многие респонденты критически относятся к «старым» институциональным и сегрегирующим детство пространствам. В то же время они приветствуют детские публичные пространства нового типа: открытые для детей и родителей, учитывающих их общие потребности.

Бизнес в сфере досуга и развлечений в большей степени готов и включает потребности молодых родителей как потенциальных и реальных клиентов. Прагматика бизнес-структур оказывается более адекватной потребностям в дружественной семье среде, чем действия городских властей, определяющих свою работу как благоустройство подведомственной территории. Пространства, созданные бизнесом, кажутся респондентам привлекательными с эстетической точки зрения, точки зрения комфорта и возможностей совместного пребывания с детьми. Однако они относятся критически к организации пространств, созданных государством, поскольку в них, с точки зрения респондентов, недостаточно учтены потребности детей и родителей, связанные с совместным проведением времени. Респонденты замечают изменения в организации городской среды и признают наличие «улучшений», произведенных городской политикой в последние годы. Они отмечают увеличение числа детских площадок в Санкт-Петербурге, появление пандусов и съездов для колясок на тротуарах. Тем не менее, такие преобразования, с точки зрения информантов, не затрагивают общих принципов организации городской среды.

Детские площадки выступают наглядным примером того, что городское пространство является гетерогенным, насыщенным конфликтами и противоречиями. Представляя собой легализованные и государством, и гражданами детские территории в отсутствие развитой городской инфраструктуры детства, ориентированной на разные категории родителей и детей, становятся местом потенциальных споров.

## **Список литературы (References)**

Айвазова С. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / под ред. М. Малышевой. М. : Academia, 2001. С. 291—310. [Aivazova S. (2001) The Contract of a Working Mother: A Soviet Version. *Gender Kaleidoscope: A Course of Lectures*] Moscow: Academia. P. 291—310.] (In Russ.).

Ассонова Е. Новые ценности в детско-родительских отношениях // Pro&Contra. 2010. Т. 14. № 1—2. С. 78—93. [Assonova E. (2010) New values in child-parent relations. *Pro&Contra*. Vol. 14. No. 1—2. P. 78—93. (In Russ.)].

Гладарев Б., Цинман Ж. Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности : коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Тёмкиной. СПб. : Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 189—221. [Gladarev B., Tsinman Zh. (2009) Home, school, doctors and museums: consumption practices of the middle class. In: *Zdravomyslova E., Rotkirh A., Tiomkina A. (ed.) New lifestyle in contemporary Russia: everyday gender studies: Collective monograph*. St Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb. P. 189—221. (In Russ.)].

Гладарев Б. «Петербургское наследие» и его «наследники»: история культурного сопротивления // Пути России. Историзация социального опыта / под ред. М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова. М. : НЛО, 2013. С. 46—68. [Gladarev B. (2013) «Petersburg heritage» and its «inheritors»: the history of cultural resistance. In: Pugacheva M., Zharkov V. *Paths of Russia. The history of social experience*. Moscow: NLO [NLR], P. 46—68. (In Russ.)].

Градскова Ю. Когда отдавать ребенка в детский сад и платить ли воспитателю? Родительство, гендер и учреждения дошкольного воспитания в интернет-форумах // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 44—57. [Gradskova Y. (2010) Should I Send My Child to Kindergarten, and Should I Pay the Teacher? Parenting, Gender, and Preschool Educational Institutions in Internet Forums. *Laboratorium*. No. 3. P. 44—57. (In Russ.)].

Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб. : Изд-во Европейского Ун-та в СПб, 2013. [de Certeau M. (2013) The practice of everyday life. 1. The art of making. St. Petersburg: The publishing house of European University at St Petersburg. (In Russ.)].

Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М. : Новое издательство, 2011. [Jacobs J. (2011) The Death and Life of Great American Cities. Moscow: Novoe izdatel'stvo [New publishing house]. (In Russ.)].

Левинсон А. О среднем классе в конце прекрасной эпохи // Вестник общественного мнения. 2008. № 6 (98). С. 53—64. [Levinson A. (2008) On the middle class at the end of beautiful era. *Public Opinion Bulletin*. No. 6 (98). P. 53—64. (In Russ.)].

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент общества. М. : НЛО, 2014. [Oldenburg R. (2014) The Great Good Place: Café, Coffee Shops, Community Centers, Beauty Parlors, General Stores, Bars, Hangouts, and How They Get You Through the Day. Moscow: NLO (In Russ.)].

Работа и семья в жизни женщин с детьми-дошкольниками: опыт города Москвы / под ред. О. Б. Савинской. М. : Вариант, 2008. [Work and family in the life course of women with preschool children: the experience of the city of Moscow. Ed. Savinskaya O. B. Moscow: Variant, 2008. (In Russ.)].

Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—15. [Rotkirch A., Temkina A. (2002) Soviet gender contracts and their transformation in contemporary Russia. *Sociological studies*. No. 11. P. 4—15. (In Russ.)].

Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов. М. : Добросвет, 1998. [Semenova V. (1998) *Qualitative methods: an introduction into humanistic sociology: Handbook for college students*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)].

Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3—14. [Urry J. (2013) The mobility and nearness. *Sociological studies*. No. 2. Pp. 3—14. (In Russ.)].

Филипова А. Г. Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 1. С. 79—94. [Filipova A. (2012) Social space of childhood: the principles of marking territories. *Journal of social policy studies*. Vol. 10. No. 1. P. 79—94. (In Russ.)].

Чернова Ж. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012а. № 7. С. 118—127. [Chernova Zh. (2012a) Specifics of the gender relations of young adults. *Sociological studies*. No. 7. P. 118—127. (In Russ.)].

Чернова Ж. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии // Журнал исследований социальной политики. 2012b. Т. 10. № 3. С. 295—308. [Chernova Zh. (2012b) The Work-Family Balance: Policy and Individual Mothers' Strategies. *Journal of social policy studies*. Vol. 10. No. 3. P. 295—308. (In Russ.)].

Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 19—43. [Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2010) Young Adults: Marriage, Partnership, and Parenthood. Discursive Prescriptions and Practices in Contemporary Russia. *Laboratorium*. No. 3. P. 19—43. (In Russ.)].

Чернова Ж., Шпаковская Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 15—27. [Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2013) Discursive models of modern Russian parenthood. *Woman in Russian society*. No. 2. P. 15—27. (In Russ.)].

Шпаковская Л. Городская инфраструктура заботы о детях: реальные и идеальные пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 4(81). С. 111—125. [Shpakovskaya L. (2015) City infrastructure of child care: real and ideal spaces. *Journal of sociology and social anthropology*. Vol. XVIII. No 4(81). P. 111—125. (In Russ.)].

Markuse P. (2013) BLOG #33 — The five paradoxes of public space, with proposals. URL: [https://pmarcuse.wordpress.com/2013/05/12/blog-33-the-five-paradoxes-of-public-space-with-proposals/?blogsub=confirming#blog\\_subscription-3](https://pmarcuse.wordpress.com/2013/05/12/blog-33-the-five-paradoxes-of-public-space-with-proposals/?blogsub=confirming#blog_subscription-3) (accessed 8.04.17).

*Mitchell D.* (2003) *The right to the city: social justice and the fight for public space.* New York: Guildford press.

*Rivkin-Fish M.* Pronatalism, gender politics and renewal of family support in Russia: toward a feminist anthropology of «Maternity capital». *Slavic review.* Vol. 69. No. 3. P. 701—724.

*Silverman D.* (2006) *Interpreting qualitative data. Methods for analyzing talk, text and interpretation.* London: Sage.

*Whyte W. H.* (2001) *The Social Life of Small Urban Spaces.* Ann Arbor, MI: Edwards Brothers.